

ЕСТЬ у книги Феликса Кузнецова «Перекличка эпох», выдвинутой ныне на соискание Государственной премии РСФСР в области литературы, одно особое качество — цельность. Цельность сборника статей — когда каждая статья не воспринимается вами как некий автономный цвет в пестром полотне, где статьи, как кусочки мозаики, едва скрепленные между собой и в то же время отъединенные друг от друга этими скрепами... В этой книге статьи — части единого организма, единого монолита. Хотя здесь собраны под одной обложкой работы критика почти за двадцатилетний период.

Может быть, эта цельность просто-напросто предопределена тем, что статьи в сборнике подобраны одного узкого «профиля», что, скажем, писатели, чьи произведения анализирует критик, представлены в нем одного литературного направления? — спросит иной дотошный читатель. Нет. Статьи здесь самого различного и жанра, и временного охвата, и герои их достаточно разнолики. Большие работы о Ленине и народниках, о творческом пути Писарева соседствуют со статьями, обращенными к произведениям современной литературы и «горожан» — Г. Бакланова, Ю. Бондарева, Ю. Трифонова, и «деревенщиков» — Ф. Абрамова, В. Белова, Е. Носова. А рядом — статьи, громадные серые, посредственные вещи «ремесленной беллетристики»...

И при всем при том ощущение монолитности книги остается.

Думаю, происходит это потому, что сама природа цельности не поверхностная, не зависящая от «механических» причин. Скажем, узкотематического подбора статей или определенной проблемной их направленности. Здесь цельность книги рождена глубокой внутренней цельностью социально-нравственных убеждений автора, органичным единством его мироощущения и мироосмысления, четкостью идейных критериев.

Пишет ли Феликс Кузнецов о противоречивом творческом пути Писарева или спорит с оппонентами о том, как сегодня верно оценить деятельность народников 60—70-х годов XIX века, обращается ли к роману Ю. Бондарева «Берег», — всегда вы ошутите острое, пристальное внимание автора к человеческому в человеке, к высоким духовным и нравственным началам его жизни.

Для чего, казалось бы, критику, пишущему о современной литературе, понадобилось скрупулезное исследование противоречивых высказываний Писарева? Но анализ работ знаменитого испровергателя эстетики вдруг обнаруживает во всей их живой силе и притягательности высокие социально-нравственные требования, предъявляемые им к окружающей среде, его непримиримость с буржуазно-мещанской действительностью, к собственнической морали наживателей добра, к фальши и конформизму общества, то есть те самые черты творческой личности, которые так дороги нам сегодня.

Черты, близкие писаревским, оказываются и в характере героя романа-хроники М. Шагинян «Первая Всероссийская» Ильи Николаевича, отца Ленина. Нет, Илья Николаевич не революционер. Но он был, как определяет

Ф. Кузнецов, «интеллигентом той демократической закваски, которая бродила в России под воздействием демократических идей начиная с 60-х годов...». Он типичный представитель демократически настроенных кругов русской интеллигенции. Этих людей объединяло, по словам критика, чувство долга перед народом. Чувство это и стало нравственной основой, истоком высокой духовности передовой русской интеллигенции.

Высокая духовность — вот слова, пожалуй, наиболее точно выражающие пафос, как сказал бы Белинский, книги «Перекличка эпох».

Анализируя и оценивая самые разные произведения советских писателей, Ф. Кузнецов всегда ищет в них то зерно смысла, которым определяется духовный мир ху-

актерами. Это люди страстные, беспокойные, тоскующие по чему-то большому, значительному, чего в жизни они часто не находят, но к чему — порой безотчетно — тянутся...

Герои повестей Ю. Трифонова «Обмен», «Предварительные итоги», «Долгое прощание», наоборот, стремятся обрести покой, тянутся к жизни обеспеченной, полной комфорта. Неприятием бездуховности, мелочного обывательского существования привлекло внимание Ф. Кузнецова творчество Ю. Трифонова. «Войной с пустыней в человеческих душах» образно назвал критик один из ведущих мотивов прозы писателя.

Анализируя повести Ю. Трифонова, критик раскрывает перед читателем недобрую,

лечерчивых фраз», их безвкусную литературщину и штампованные, схематические характеры то «голубых» до приторности «героев», то безобразно примитивных «злодеев»... Выступая против нетребовательных издателей и критиков, Ф. Кузнецов остро поставил вопрос о вреде подобной литературной практики для нашей общественной жизни. Он воюет с теми, кто недооценивает художественность. «Будто возможно в природе «малохудожественное», но зато «высокоидейное» литературное произведение. Подобная иллюзия порождает у иных издателей и критиков святую уверенность, будто бесталанное, посредственное произведение, если оно «правильно» по посылкам, может быть даже «полезным». В действительности вся атмосфера бесталанных, ремесленных произведений воспитывает в людях дурной, пошлый, мещанский вкус, мещанскую эстетику, а в конечном счете и мещанскую мораль. Посредственность в литературе тем более опасна, если она прикрыта громкими фразами о долге и идейности».

Обращаясь к произведениям о деревне, автор подробно разбирает книги Ф. Абрамова, Е. Носова, В. Белова, В. Астафьева. Внимательно вглядываясь в облик того или иного героя их — крестьянина из колхозного села, критик естественно подводит читателя к мысли о душевной щедрости и нравственной красоте рабочего человека современной деревни. Об этом говорят образы Ивана Африкановича и Катерины из повести В. Белова «Привычное дело», Михаила Пряслина из трилогии Ф. Абрамова «Пряслины», героев рассказов Е. Носова и В. Астафьева.

Ф. Кузнецов, анализируя произведения того или иного писателя, умеет лаконично и емко сказать о главных, характерных для художника стилевых особенностях его письма. Вот как, например, говорит он о Е. Носове: «...особенностью творческой манеры Носова является тот подчас неброский, но всегда напряженный психологический драматизм, его умение сквозь быт и повседневность нащупать пик внутреннего существования личности... Причем Носов умеет делать это с поразительной естественностью».

Особую социальную значимость произведений В. Белова, Е. Носова, В. Астафьева критик видит и в том, что они всем духовным своим наполнением направлены против пренебрежительного и равнодушного отношения к природным богатствам родной земли. Они воспитывают в читателе уважительное отношение к крестьянскому труду, к личности земледельца, «к богатствам народной цивилизации». Ф. Кузнецов считает, что обновленная жизнь сегодняшней деревни должна находить опору на «многовековой фундамент народных традиций, народной цивилизации».

Словом, о чем бы ни писал Феликс Кузнецов — об исторических ли романах М. Шагинян или о социально-бытовых повестях Ю. Трифонова, обращается ли он к проблемам так называемой «деревенской» прозы или критикует ремесленную беллетристику, — всегда он ратует за высокие духовные ценности, которыми должна быть наполнена жизнь человека, за подлинно народное и глубоко идейное творчество, несущее читателю правду.

Вл. ЗАЛЕЩУК

На соискание Государственных премий РСФСР

ВЫСОКАЯ ДУХОВНОСТЬ

дожника, их создавшего, духовный облик его героев. Так, разбирая произведения М. Шагинян о Ленине, автор с живым интересом размышляет о том, как «осмысляет» духовные, нравственные залюги личности Ленина и М. Шагинян. Она верна здесь пафосу своих романов об отце Ленина, о демократической русской интеллигенции второй половины XIX века, для которой служение народу было «потребностью народной совести и главным делом передового русского человека». Ленин обогатил гражданскую нравственность — великое завоевание шестидесятиков и семидесятников — принципиально новым качеством: результативностью, действительностью, уверенностью в победе, научными методами и путями борьбы».

Эстафета духовности, по наблюдениям критика, как бы передается и героям лучших книг советских писателей последних десятилетий. Тут и «Жестокость» П. Нилина, и зальгинская «Соленая Падь», и «Иду на грозу» Д. Гранина, «Первый учитель» и «Белый пароход» Ч. Айтматова. Не обходятся его произведения Б. Можая, В. Астафьева, В. Белова, Ф. Абрамова, В. Шукшина...

Говоря о творчестве Василия Шукшина, Ф. Кузнецов лаконично определяет, «во имя чего художник жил и творил»: «Таким сокровенным и заветным были для него коренные ценности народной нравственности в современных формах ее проявления, так же как для большинства его героев таким сокровенным и заветным были поиски души, высокого смысла существования, осмысленности бытия».

В героях В. Шукшина, по слову критика, много подчас нелепого, смешного. «Дети полукультуры», они привлекают своей даровитостью, умом, яркими и неожиданными в своих проявлениях

хищническую натуру лишь внешне интеллигентных обывателей, таких, как Лена Лукьянова-Дмитриева или Гартвиг. Вовлекая в сферу читательского внимания целый ряд «антимещанских» произведений («Сладкая женщина» И. Велембовской, «Пустошь» С. Крутилина, «Дождь в чужом городе» Д. Гранина, в какой-то степени и «Южно-американский вариант» С. Залыгина), Ф. Кузнецов подробно останавливается на проблеме мещанства, на социальных истоках психологии приобретателя, живущего для себя и во имя себя. Ярko выявляет он большой общественный урон, наносимый нашему образу жизни людьми мещанских убеждений.

Опора на высокие нравственные критерии социалистического общества, на духовные традиции русской литературы позволила критику с чуткой избирательностью и полнотой обнажить перед читателем многоликость современного обывателя, его быструю приживаемость и умение приспосабливаться даже к чуждой по духу среде. С непреклонной необходимостью автор делает вывод о невозможности примирения с мещанством, о незатихающей борьбе с ним в нашем обществе.

Высокой требовательностью к литературе продиктованы и статьи Ф. Кузнецова, в которых он анализирует слабые, посредственные произведения прозы. Так, в статье «Критические парадоксы» (впервые опубликованной в 1965 году) он подвергает критическому разбору роман Ивана Шевцова «Свет не без добрых людей»... после того, как прочитал пять рецензий, захватывающих эту книжку. Обращаясь к тексту романа, критик показывает «пошлость и фальшь этих «изысканно» ве-